

«НАВЕКИ В КАПКАНЕ»: ТЕМА СЕМЬИ В РОМАНЕ СЕЛЕСТЫ ИНГ «ВСЕ, ЧЕГО Я НЕ СКАЗАЛА»

Тема семьи давно и прочно вошла в арсенал тем, собственных всем художественным литературам мира. В литературоведческих исследованиях семья уже традиционно рассматривается как микро модель большого – внешнего – мира, в которой преломляются все его конфликты и противоречия.

В романе американской писательницы китайского происхождения Селесты Инг «Все, чего я не сказала» фокус внимания автора также направлен на изучение социального и психологического пространства семьи.

В центре повествования – трагическая история семьи Ли. На первый взгляд, это обычная семья – муж, жена, трое детей. В контексте исторического времени романа (действие происходит в 70-х годы XX века) необычно в ней только то, что это межрасовая семья: отец Джеймс – рожден в Америке, но по происхождению китаец, мать

тельно отторгаемая и потому отсутствующая, незначимая фигура. «Где она вообще, эта мать?» – задается вопросом Мэрилин [1, с. 91]. Девушка осуждает мать за то, как она распорядилась своей – «маленькой, грустной, пустой» – жизнью [1, с. 93]. Образцовая хозяйка, заботящаяся о своем доме, у которой любимой книгой была книга кулинарных рецептов, преданная жена, от которой несмотря ни на что муж ушел к другой женщине – такой «материнской» жизни Мэрилин себе не хотела, бежала от нее: «Ни за что моя жизнь не закончится так!» [1, с. 95]. Для себя Мэрилин определила точно: у нее все будет по-другому.

С линией «Мэрилин – ее мать» связана возникающая в романе гендерная проблематика. Это дало возможность С. Инг размышлять о роли женщины в обществе, о той системе требований и ограничений, которые социум предъявляет к ней. Не случайно мать Мэрилин преподает в школе, где училась девочка, домоводство, обучая тому, «что полагается знать юной леди, дабы вести дом» (курсив – С. Инг) [1, с. 35]. Мэрилин всячески пыталась вырваться из этого капкана условностей. Ей запретили вместо уроков домоводства посещать занятия в мастерских с мальчиками, но это не сломило настойчивость Мэрилин попытаться устроить свою жизнь по своему выбору. Имея талант к точным наукам, она усиленно стала изучать физику и химию, чтобы в будущем стать врачом. Это была «маленькая женская революция». Решение Мэрилин прослушать в университете вводный курс физики заставило искренне удивиться ее преподавателя, и удивление усилилось, когда он увидел высший балл по этому предмету в аттестате девушки: «Зачем вам физика? – спросил он, и она застенчиво объяснила, что хочет стать врачом. – Не медсестрой? – усмехнулся он» [1, с. 32].

Но стать врачом у Мэрилин не получилось: она, познакомившись с Джеймсом и увидев в нем такого же непохожего на остальных человека, как сама, стала его женой, родила сына Нэта и вынуждена была, как казалось, на время оставить учебу. Брак Джеймса и Мэрилин – это попытка вырваться из прошлого: Джеймс словно переписывал заново свою историю, становясь мужем американки, а Мэрилин – окончательно порывала с матерью и ее – пусть призрачным – но влиянием на жизнь дочери. Родители Джеймса к этому времени уже умерли, а Мэрилин после свадьбы никогда не встречалась и не общалась с матерью. Обоим казалось, с прошлым покончено навсегда.

Однако с рождением второго ребенка – дочери Лидии – Мэрилин поняла, что постепенно вязнет в быту, в повседневности, как и ее мать, и мечта «быть дальше от материнской жизни» [1, с. 38] так и остается мечтой. Горькое осознание этого привело к тому, что Мэрилин, никому ничего не сказав, тайно, оставив Нэта и Лидию на попечение Джеймса, уехала продолжать учебу. Но вскоре выяснилось, что она беременна третьим ребенком, и Мэрилин вынуждена была вернуться домой.

Время ее отсутствия стало переломным для семьи. Внезапный (не обьявленный) отъезд Мэрилин изменил жизнь Джеймса и его поведение в семье. Он понял, что его цель – стать другим – не достигнута, Мэрилин покинула его, потому что он по-прежнему выглядит в ее глазах чужаком. И Джеймс приходит к выводу: если у него не получилось стать своим среди американцев, то это должно получиться у его детей, особенно у Лидии – потому что она более остальных внешне похожа на американку. Ей просто надо заводить друзей, много общаться, быть дружелюбной.

В свою очередь, Мэрилин тоже принимает решение: если у нее не получилось стать врачом, добиться большего, чем роль домохозяйки, – то это должно получиться у Лидии. Ей, чтобы получить профессию врача, надо много учиться, заниматься дополнительно, быть лучше других. И Джеймс, и Мэрилин стали планомерно идти к своей цели. Лидия добьется того, чего не смогли добиться они. Поэтому на дни рождения и другие праздники в подарок от родителей Лидия получала не то, что хоте-

ла, а то, что помогло бы ей достичь родительских целей: книги по биологии, «Основы физиологии», «Женщины-первопроходцы в науке» от матери («о которых Мэрилин тайно мечтала сама» [1, с. 187]), книгу Д. Карнеги «Как завоевать друзей» или серебряный кулон «не золотой, а серебряный, потому что, как объяснил Джеймс Лидии, «в этом году все носят серебро» [1, с. 245] – а надо быть как все, своей» от отца.

При этом других детей – Нэта и Ханны – для родителей как будто не существовало. Нэт был «забракован» Джеймсом, не оправдал его ожиданий, нанес «болезненный удар по отцовским мечтам» [1, с. 101] – был слишком тщедушен, малоросл, неловок, «предпочитал читать..., а не заводить друзей» [1, с. 101], слишком похож на самого Джеймса в детстве и «напоминал все, что Джеймс хотел забыть» [1, с. 168]. При этом и Мэрилин не видела Нэта, например, то, что в отличие от Лидии ему математика и другие точные науки были понятны и давались легко («Мама вечно хвастается тобой перед доктором Вулфом, а мое «отлично с плюсом» по химии даже не заметила», – однажды сказал он сестре [1, с. 181]).

Младшая дочь – Ханна – «за годы тоски отточила чутье» [1, с. 227], стала тенью в семье Ли, научилась быть незаметной, чтобы не мешать родителям уделять все свое внимание Лидии. Ханна не знает материнской ласки, она может только предполагать, глядя, как Мэрилин проявляет свою нежность к Лидии, что «любовь... сладкая, как мамины чулки, и мягкая, как суфле» [1, с. 245]. И вместе с тем Ханна бесконечно нуждалась во внимании, но она не могла даже обнять родителей, сидеть рядом с ними, прижаться к ним: «и Нэт, и Лидия, и мать, и отец сразу дергали плечом... Ханна, Лидия. У меня дела вообще-то. Оставь меня в покое» (курсив – С. Инг) [1, с. 133].

Эти перекосы в родительской любви дети замечали и, не имея возможности что-либо изменить, смирялись с ними, что дало право Нэту в разговоре с Лидией, успокаивая ее, заметить: «Перебор любви лучше недобора» [1, с. 181].

А Лидия – «вселенский центр поневоле» – «впитывала родительские мечты, унижала бурлящее внутри сопотивление» [1, с. 172–173], но внешне никак не протестовала – она была так напугана давним внезапным исчезновением матери, что дала себе обещание быть хорошей, образцовой дочерью, которая никогда не рассердит свою мать. Однако со временем Лидия поняла, в какую ловушку загнала себя, более того, она увидела, что для каждого из Ли семья – это капкан, и если «один сбегает, другой навеки в капкане» [1, с. 244].

Любовь в семье Ли оказалась с обременением, и этим обременением были родительские ожидания, которые «сыплются на тебя снегопадом, заваливают, расплющивают» [1, с. 284]. Вскоре эта ноша, взваленная на детские плечи родителями, стала для Лидии непосильной, ей открылось, «как тяжело наследовать родительские мечты, как удушает такая любовь» [1, с. 295]. Она отправилась на озеро, села в лодку, отплыла далеко от берега и, «не связанная ничем», поняла, что «не бывает ничего невозможного» [1, с. 297] – «она все изменит» [1, с. 296]. Теперь все будет по-другому. Она поговорит с родителями, объяснит, чего хочет сама – еще не поздно, казалось Лидии. Не умея плавать, но решив, что она уже стала другой, Лидия вплавь отправляется к берегу и погибает – через неделю ее тело обнаружат на дне озера.

Не случайно в одном из эпизодов романа С. Инг сравнивает Лидию с куклой, сидящей в витрине магазина: такой – неживой, искусственной, податливой – ее видели родители. Но ранее, как предвестник трагедии, появляясь образ кем-то забытой на причале «грязной и однорукой Барби», которую Нэт завшвырнул в воду [1, с. 165]. Барби – это идеал, но когда ты перестаешь соответствовать идеалу, от тебя избавляются. По таким законам жила и семья Ли до произошедшей трагедии.

У Лидии не оказалось возможности все исправить, но ее не упустили Джеймс и Мэрилин, они осознали совершённые ошибки. После смерти дочери, изучив ее

комнату – плакаты, открытки, книги, Мэрилин поняла, что «Лидия вовсе не любила науку» [1, с. 267]. Это заставило мать с «тоскливым холодом», лишающим дыхания, задать себе вопрос: может быть, «все это в конце концов и утянуло Лидию на дно?» [1, с. 267]. Период осмысления трагедии, сопряженный с травмирующими открытиями, с принятием правды, от которой раньше приходилось бежать, оказался целительным для героев произведения. Финальные картины романа оптимистичны: Мэрилин, в слезах от понимания того, что ей дан второй шанс, обнимает Ханну; Джеймс также впервые за долгое время играет с младшей дочерью и обретает ощущение дома – места, где он не чужак, не изгой, где его любят и в нем нуждаются, Нэт избавляется от злости из-за потери сестры.

Таким образом, в романе С. Инг «Все, чего я не сказала» семья становится проекцией социума, отражая в себе его коллизии. Роман представляется романом предупреждения о том, что нереализованные желания родителей могут привести к трагедии, а боязнь внешнего мира может лишить гармонии малый мир семьи. Но что роман и о прощении и принятии – себя и друг друга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Инг, С. Все, чего я не сказала ; пер. с англ. / С. Инг. – М. : Фантом пресс, 2018. – 320 с.

Горская А. С. (Мінск, Беларусь)

ТРАГЕДИЯ СПАЛЕННЫХ ВЁСАК У МАСТАЦКІМ ДА СВЕДЗЕ МІКОЛЫ АРОЧКІ І КАСТУСА КІРЭЭНКІ

Беларуская літаратурная Хатыніяна – гэта таяжыякі твораў рознай эстэтычнай вартаці і жанравай прыналежнасці, напісаных пераважна ў 1940 – 1980-я гады прадстаўнікамі франтавога і філалагічнага пакаленняў. У творчым актыве айчынных пісьменнікаў хрэстаматыійны вершы П. Панчанкі («Кожны з нас прыпасе Радзімы куток...»), Максіма Танка («Шыбы старой камяніцы»), патрыятычная араторыя з чатырма баладамі «Гарынь» гарыць мая Лагойшчына» Н. Гілевіча, апавяданне «Memento mori» Я. Брыля, дакументальная кніга «Я з вогненнай вёскі...» А. Адамовіча, Я. Брыля, У. Калесніка «Хатынская аповесць» А. Адамовіча, творы паэмнага жанру: «Хатынскі снег» І. Булаўкіна, «Гарынь» А. Бялёвіча, «Прыстань» Г. Кляўко, «Мая Хатынь» Е. Лось, «Хатынь» Б. Спрыначана, «Курганне» М. Ароцкі, «Помста» К. Кірээнкі і інш. Трагедыя, калі мець на ўвазе маштабы трагедыі, то трэба прызнаць: твораў такіх параднальна няшмат, што можна выглумачыць як маральна-псіхалагічнымі фактарамі (асэнсаванне балючага, «вогненнага» матэрыялу патрабуе ад аўтара наймавернейх дубаўных высілкаў), так і сацыякультурнымі (наяўнасць у літаратуры табуяваных тэм, гатоўнасць/негатоўнасць грамадства пачуць у сябе праўду пра перажытае і інш.).

У нецвяцальнай паэзіі трагедыя вогненнай вёскі ўпершыню абавалася, бадай, у мастацкай свядомасці П. Панчанкі, лірычны герой якога знямеў ад выгляду роднага конашча, што адкрылася вачам па дарозе «з акружэння на ўсход»: «Развіднела. А певень людзей не будзіў. / Цішыня. Мёртвы попел. / Ні стуку, ні груку. / Толькі клён, што мой бацька калісь пасадзіў, / Грэў на сонцы свае абгарэлыя рукі» [5, с. 287] («Кожны з нас прыпасе Радзімы куток...», 1942). У гэтым творы, што прэзентуецца звычайна як узор высокапатрыятычнай лірыкі, тэма спаленай вёскі скразная. У асэнсаванне трагедыі вогненнага вёсак, што падзялілі лёс Хатыні, наша літаратура, і ў прыватнасці паэзія, па-сапраўднаму заглыбіцца на перавале 1960 – 1970-х гадоў (час адкрыцця Хатынскага мемарыяла, выхаду кнігі «Я з вогненнай вёскі...»). Увогуле, гэта будзе